

Джоди
Линн
Андерсон

Искра
В НОЧИ

Джоди Линн Андерсон

Искра в ночи

Серия «Разгадай меня»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42538942
Искра в ночи: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-983184-6

Аннотация

Три девушки. Три поколения. Три эпохи.

Три жизни, таинственным образом связанные между собой...

Англия медленно оправляется после ужасов Первой мировой войны. И Ленор, переживающая гибель старшего брата, все же старается жить дальше: планирует отъезд в Америку к своей лучшей подруге. Но случайная встреча с молодым солдатом, очень старательно скрывающим свое прошлое, круто меняет ее жизнь...

В страшные для Канзаса времена пыльных бурь юной Кэтрин хочется верить, что ее семьи не коснется несчастье. Однако с каждым днем ее сестре становится все хуже, и перед Кэтрин встает выбор – остаться с родными на ферме или искать спасения в другом городе...

Восемнадцатилетняя Адри находит дневник своей ровесницы, жившей много десятилетий назад в ее доме. И теперь во что бы то

ни стало Адри намерена выяснить, кто эта девушка и какие тайны хранят страницы ее дневника...

Содержание

Адри. Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	31
Кэтрин. Часть I	46
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джоди Линн Андерсон

Искра в ночи

Jodi Lynn Anderson

MIDNIGHT AT THE ELECTRIC

© Jodi Lynn Anderson, 2017

© Перевод. Т. Покидаева, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается Джейми

*Двое влюбленных сидят в темноте и искрятсЯ.
Вуди Гатри.*

*So Long, It's Been Good to Know Yuh (Dusty Old
Dust), альбом «Dust Bowl Ballads¹»*

¹ Вуди Гатри (1912–1967) – американский певец и музыкант. Альбом «Dust Bowl Ballads» («Баллады Пыльного котла») посвящен периоду пыльных бурь в нескольких штатах США (1930–1936), который получил название Пыльный котел. – Здесь и далее примеч. ред.

Адри. Часть I

Глава 1

Сверху казалось, будто Майами моргало, только-только проснувшись; восходящее солнце отражалось в городских окнах. Адри – в пижамных штанах на пару размеров больше, непослушные черные волосы кое-как собраны в хвост – въехала на мост Майами и остановилась на парковочной полосе. В ее «тете» накрылась плата управления. Надо чинить. Но это потом, а пока Адри в последний раз смотрела на город. Ничего особенного, если честно. Но она его больше не увидит.

Небо над Саут-Бич было низким и серым. На его фоне темнели пустые прибрежные отели, вода доходила почти до середины окон первых этажей. По всему побережью стояли заброшенные, опустевшие постройки. Квартал за кварталом, океан потихоньку захватывал город, превращая его в зачарованное королевство из старой сказки, в Атлантиду, уже превращавшуюся в миф. Утренние почтовые дроны деловито гудели над полузатопленными домами, раскачивались на ветру, но оставались на заданном курсе, выполняя свою задачу: доставить посылки тем, кто остался, – угрюмым упрямам, неприкаянным одиночкам или людям, которым некуда

больше идти.

Еще вчера Адри была одной из них; всю жизнь она наблюдала, как океан поглощает город. Она не будет скучать по Майами, но перед тем как вернуться в машину, ей пришлось сделать глубокий вдох. Адри собрала бумаги и смятые футболки, выпавшие на мостовую, когда она выходила, и забросила их на заднее сиденье. Потом осторожно сняла с лобового стекла мохнатую гусеницу и пересадила ее на перила моста. Усевшись в машину, включила автопилот. Ее беспокойные мысли стремились в Канзас. И к тому, что ждало впереди. Адри открыла электронную почту на мониторе приборной панели и перечитала уведомление о размещении.

Уважаемая мисс Ортис!

Мы стараемся по возможности обеспечить проживание в семье нашим будущим колонистам, чтобы поддерживать ощущение стабильности в этот непростой переходный период. Рады сообщить вам, что нам удалось разыскать вашу дальнюю родственницу (Лили Вега, в девичестве Ортис, возраст 107 лет), проживающую неподалеку от Центра подготовки. Миссис Вега готова принять вас в своем доме, где вы будете жить в течение следующих трех месяцев. Пожалуйста, поезжайте по этому адресу и ожидайте дальнейших инструкций.

268 Джериико-роуд Ханаан, KS 67124

Искренне ваш,

Ламонт Белл, директор программы.

Адри даже не знала, что у нее есть какие-то родственники. Бабушек и дедушек она не застала. Ее родители были единственными детьми в своих семьях; она всегда думала, что после гибели мамы и папы у нее не осталось вообще никого из родных.

Она переключилась на новостной канал. Когда водители проезжавших мимо машин сигналили ей и показывали, что ее «тета» искрит (а искрила она постоянно), Адри отвечала небрежным неприличным жестом. Откинувшись на сиденье, она смотрела на небо сквозь прозрачный люк в крыше. Она чувствовала странную легкость, и чем дальше от города, тем сильнее.

Побережье океана осталось позади, а вместе с ним – затопленные города и поселки. Дорога по новой автомагистрали между штатами занимала двенадцать часов при скорости сто пятьдесят миль в час. Время пролетело незаметно. Обычно Адри использовала бы его, чтобы позаниматься, но все ее электронные устройства были дистанционно заблокированы в тот день, когда она получила письмо о зачислении. Предполагалось, что последние три месяца будущие колонисты сосредоточатся только на том, чему их будут учить в Центре подготовки в Уичито. В остальное же время они должны пребывать – по возможности – в блаженном безделье.

Прошла лишь неделя с тех пор, как сообщение о зачислении в программу вспыхнуло на экране ее «умных» часов, выпустив целое облако голографических воздушных шаров.

Это было забавно и мило, но сердце Адри все равно ушло в пятки. Впервые в жизни она расплакалась. Все ее жертвы, вся ее работа с шестого класса – бесконечные вечера за учебниками, беспрестанные тренировки, дополнительные занятия – окупились сполна. Через несколько месяцев она станет одной из немногих счастливиц, кто полетит на Марс.

Уже вечерело, становилось прохладно. Когда Адри въехала в Канзас, на улице было совсем темно, и еще час она ехала до съезда со скоростной магистрали. Приближаясь к Ханану, она испытывала странные чувства: словно каждый следующий поворот уводил ее все дальше и дальше в никуда. На проселочных дорогах было темно, небо над ними – как толща чернильной темноты. В «тете» что-то громко застучало. Около одиннадцати вечера Адри переключилась на ручное управление и сбросила скорость. Когда она подъехала к нужному дому, машина была на последнем издыхании.

Адри огляделась по сторонам; жилище казалось пустым и заброшенным. Маленький белый сельский дом, обшитый досками в облупившейся краске. Рядом с домом – сарайчик. Покосившийся забор окружало большое пастбище, сбоку от дома – амбар. Или это конюшня? На подъездной дорожке стоял допотопный внедорожник – один из последних еще сохранившихся автомобилей на бензине.

Адри заглушила двигатель и оглядела пустые цветочные клумбы, уже подготовленные к зиме. И все-таки здесь наблюдались признаки жизни: малиновые пластмассовые стре-

козы сидели на камнях вдоль дорожки, ведущей к крыльцу, в зарослях сорняков и ромашек стоял жестяной ангел с лейкой в руках. На табличке, установленной рядом с тропинкой, было написано: «Входи. Моим цветам будет приятно с тобой познакомиться».

– О господи, – пробормотала Адри.

Потом сделала глубокий вдох.

Запрокинула голову, глядя на небо. Здесь оно было ближе, чем дома, – или так только казалось. «Скоро и я буду там, высоко в небе», – подумала Адри. В каком-то смысле она уже была там. Вот на этом и надо сосредоточиться.

Она быстро глянула в зеркало. У нее был такой вид, словно она только что встала с постели – впрочем, она всегда так выглядела. Она пригладила волосы и вышла из машины. Следом за ней на дорожку выпало несколько фантиков от конфет и две пустые банки из-под лимонада.

К входной двери была приколота записка, написанная от руки.

Адри, я честно пыталась тебя дождаться, но не выдержала и легла спать. Старость не радость! Твоя комната – на втором этаже, справа. С нетерпением жду встречи с тобой. Если встретишь клопов, не давай им кусаться. ###

Адри продвигалась по дому вслепую, натываясь на углы в темноте. Она все же добралась до лестницы и поднялась

на второй этаж. Дверь в ближайшую справа комнату была распахнута настежь, приглашая войти. Внутри – выцветшие голубые обои и запах нафталина. Все лампы горели, на кровати лежало яркое лоскутное одеяло с откинутым уголком. Адри огляделась. Что-то ее беспокоило в этой комнате, что-то в ней было тревожное. Но Адри не понимала, что именно.

Комода в комнате не было, и ей пришлось сложить вещи в старинный платяной шкаф. Лили то ли забыла, то ли не потрудились очистить полки от пыли, а по углам даже скопилась паутина, которая липла к пальцам. Кроме единственной старой обувной коробки, в шкафу не было ничего. Адри, никогда не страдавшая отсутствием любопытства, тут же открыла коробку. Внутри обнаружилась целая пачка старых открыток и фотографий.

Адри села поближе к прикроватной лампе и принялась перебирать содержимое коробки. Там было несколько фотографий одной и той же женщины – как поняла Адри, это была Лили в молодости, – на некоторых снимках рядом с ней был мужчина. Наверное, муж. Нашлось и две-три фотографии Лили в детстве. Но большинство карточек и открыток относилось к еще более раннему времени – до рождения Лили. Корешки от билетов на представления 1950-х годов, автограф какого-то Уэйна Ньютона. Одна открытка, отправленная из Нью-Йорка, была очень старой. На ней изображался широкий бульвар, по которому прогуливались мужчины и женщины в шляпах и нарядной одежде. Судя по дате на

штемпеле, открытку отправили 7 мая 1920 года. Чернила так выцвели, что надпись читалась с большим трудом.

Бет!

Вчера вечером я прибыла в Нью-Йорк. Завтра еду к тебе. Везу с собой Галапагосу. Ты получила мои последние письма? Ты меня ждешь?

Ты полюбишь ее так же сильно, как люблю ее я?

С любовью,

Ленор.

Адри быстро посчитала в уме, сколько лет прошло с 1920 года: сто сорок пять. Она перечитала открытку еще раз, потом убрала ее в коробку, а коробку вернула на место.

Не придумав, чем еще можно заняться, она выключила свет и легла в постель. В тишине незнакомой комнаты смутное ощущение тревоги стало еще сильнее и никак не давало заснуть. Может быть, она просто нервничала, что ей предстоит жить в одном доме с чужим человеком... который, что самое странное, был ей родным. Интересно, какая она, Лили... Адри почему-то вспомнилась ее соседка по комнате в интернате в Майами, которая однажды сказала: «Я тобой восхищаюсь, Адри, честное слово. Но с тобой тяжело. Ты очень непростой человек».

Адри не показала, как сильно ее задели эти слова, но она их запомнила. Она и сама толком не понимала, что ее заставляет быть такой резкой, замкнутой и отчужденной, а временами заносчивой и даже грубой. Она давно прекратила по-

пытки что-то в себе изменить; просто не знала, как это сделать.

Она наблюдала, как другие ребята заводят дружбу. При всех своих странностях и недостатках им удавалось ладить друг с другом. У каждого появилась своя компания – своего рода закрытые клубы, куда не было доступа Адри. Она думала: «Как это им удается?» Это было сродни сложному погружению на глубину.

Адри – не аквалангист. Если уж на то пошло, она кирка, крошащая дни. Ближайшие три месяца ей предстоит жить в одном доме с очередной незнакомкой, пусть даже и родственницей... Что ж, она искрошит в пыль и эти месяцы тоже.

На астрономии в шестом классе Адри впервые прочла о нейтрино – частицах, пронизывающих все в космосе, от одного края Вселенной до другого, неудержимых и ни к чему не привязанных. Они беспрепятственно проникают сквозь материю, пролетают сквозь планеты, людей и все остальное. Потом, когда одноклассники заводили разговор о том, кто кем хочет стать в будущем, перед мысленным взором Адри неизменно вставала страница учебника астрономии, открытого на статье о нейтрино.

Сейчас Адри представляла тот день, когда она тоже покинет Землю, неудержимая и ни к чему не привязанная. Она надеялась, что время между «тогда» и «сейчас» прой-

дет быстро. Она заснула, и ей приснилось, как она мчится
сквозь космос.

Глава 2

Следующим утром Адри проснулась еще до рассвета. Она спустилась на цыпочках в пастельно-зеленую прихожую и огляделась по сторонам: стены были увешаны дешевыми репродукциями – натюрморты с цветами и овощами – и открытками с ангелами и щенками с надписями вроде «Держись!». В углу пылился сломанный робот-пылесос. Деревянная газетница у подножия лестницы была набита старыми газетами и журналами. На нижней ступеньке сидел плюшевый ангел. Поскольку Лили еще спала, Адри решила заняться починкой «теты».

Она снова поднялась наверх, достала из сумки портативную «Принт-фабрику», установила ее на тумбочке у кровати и задала программу печати детали, которая, как она думала, ей нужна. Уже через пару минут у нее была новая плата управления взамен сгоревшей. Потом Адри тихонько спустилась в прихожую и вышла на улицу – в утреннюю прохладу.

Однако замена платы не помогла реанимировать «тету», как не помогла и переустановка операционной системы. Впрочем, к этому все и шло. Жалко только, машина не дотянула каких-то три месяца.

Адри уныло провела рукой по капоту. Потом посмотрела на небо, уже розовевшее на востоке.

– Время смерти: рассвет.

Машина была самым ценным ее имуществом и, наверное, лучшим другом. Адри будет скучать по ней больше, чем по кому бы то ни было.

Она огляделась по сторонам и решила обойти дом и посмотреть, что там находится. Она сошла с подъездной дорожки в высокую траву, шелестевшую на ветру. Заросший все той же высокой травой задний двор переходил в бесконечный луг, протянувшийся до самого горизонта, едва различимого в предрассветной дымке.

Огибая сарай, Адри разглядела чуть в стороне небольшой прудик, почти невидимый в темноте. Она не заметила низкий заборчик и споткнулась о него. Ее напугало какое-то непонятное шевеление в сумраке у пруда.

– Черт, – пробормотала она, пристально вглядываясь в темноту. По спине пробежал холодок. Там, у воды, было что-то живое. Адри слышала, как оно шаркает по земле. Когда глаза немного привыкли к сумраку, она разглядела темный силуэт, похожий на... что? Старый щит? Большой камень? *Ходячий* камень? Высотой почти ей по колено.

Что-то сдвинулось с одного бока темного купола – голова. Голова повернулась к Адри, и та вмиг успокоилась.

Это была черепаха. Адри попыталась вспомнить, что едят черепахи: вегетарианцы они или нет. Теперь она разглядела большую миску с водой, стоявшую рядом с навесом, который, видимо, построили, чтобы он защищал черепаху от

солнца.

Адри медленно приблизилась к черепахе и неловко присела на низкий заборчик.

– А ты забавная, – сказала она.

Хотя что могло быть забавного в черепахе? Как и у всех черепах, вид у нее был серьезный, скучающий и немного унылый.

Адри никогда в жизни не видела таких больших черепах, размером чуть ли не с карликового пони. У нее был высокий, бугристый, слегка кривоватый, как будто поникший по краям панцирь и длинная шея, которую черепаха с любопытством тянула к Адри.

Та придвинулась ближе, охваченная неодолимым желанием прикоснуться к этому блестящему панцирю и узнать, какой он на ощупь. Черепаха изогнула шею и прижалась головой к руке Адри.

– Любишь, когда тебя гладят, да?

Адри протянула руку к шее черепахи, и ее пальцы наткнулись на что-то прохладное и металлическое. Ошейник с медальоном. Нет, не ошейник, а скорее тонкое ожерелье. Адри прищурилась, чтобы прочесть надпись на медальоне в бледных лучах рассвета.

Там было написано: «Галапагоса». По спине Адри вновь пробежал холодок.

Краем глаза она заметила, что в доме зажегся свет. Она еще раз взглянула на медальон, сделала глубокий вдох и по-

спешила вернуться в дом.

Внутри было тепло. В кухне играла музыка. Сальса. У холодильника стояла миниатюрная сухонькая старушка – очень худая и бледная, но вполне бодрая – ждала, когда из встроенной кофеварки польется готовый кофе. Она тихо охнула, когда Адри ворвалась в кухню, и ее сморщенное лицо расплылось в улыбке.

– Адри! – Ее голос оказался неожиданно громким и звучным. – Я уж думала, ты никогда сюда не доберешься! Прости, что я тебя не дождалась, легла спать.

– Э... Доброе утро, мисс Лили... Или миссис?

Лили шагнула к ней, не давая договорить, и крепко ее обняла. От нее пахло цветами.

– Лили, – сказала она. – У нас здесь все по-простому, без церемоний.

Адри неловко высвободилась из объятий дальней родственницы, и та отступила на пару шагов, по-прежнему улыбаясь.

– Как доехала, солнышко? Как тебе спалось на новом месте?

– Лучше просто Адри, если можно, – смутилась Адри. Она не любила нежностей со стороны незнакомых людей.

Лили широко раскрыла глаза и серьезно кивнула, хотя было видно, что просьба Адри ее удивила и слегка позабавила.

– Поняла. Ты хорошо выспалась? Тебе понравилась твоя комната? Как самочувствие после поездки?

– Э... Да, да, хорошо. – Адри взяла кружку с кофе, которую ей вручила Лили.

– Я стараюсь поддерживать в доме порядок. Но эта комната пустовала уже много лет.

– Тут у вас настоящая глушь, – заметила Адри.

Лили пожала плечами.

– Да нет. Просто я уже старая, и все люди, которых я знала, давно мертвы. – Она сделала глубокий вдох. – Но зато у меня есть родной человек. Это ты! Даже не верится, да? Твой прадедушка – младший брат моей мамы. Мама родила меня поздно, почти в сорок лет, а он был на шестнадцать лет младше... И когда у *него* появился твой *дедушка*, ему было... дайка я соображу...

Адри молча пила кофе, наблюдая за тем, как Лили печатает две порции яичницы с беконом на кухонном принтере, стоявшем на стойке рядом с холодильником. Занимаясь своими делами, Лили то и дело украдкой поглядывала на Адри, на ее растрепанные волосы и пижаму, которая явно была велика ей на пару размеров.

– Яйца закончились, – громко объявила Лили холодильнику. Это была старая модель с голосовым управлением. – Как ты, наверное, уже поняла, я люблю поболтать.

Лили поставила тарелки с готовой яичницей на стол.

– А я нет, – заметила Адри. – Особенно по утрам.

Лили понимающе кивнула.

– Ладно, тогда не буду зудеть у тебя над ухом. – Лили

изобразила, будто закрывает рот на молнию. Но, усевшись за стол, она продолжала поглядывать на Адри, время от времени тихо вздыхая и хмыкая себе под нос.

Наконец Адри не выдержала и спросила:

– Чего?

Лили как будто смутилась.

– Я думала, ты будешь другая. Вы, колонисты... ну, знаешь... цвет Земли. Я думала, ты будешь такой... холеной и строгой...

Колонистами восхищался весь мир, и так было всегда, сколько Адри себя помнила. Самые умные и достойные, лучшие из лучших, они породили целую культуру: им подражали, о них снимали документальные драмы, в их честь наладили выпуск портретных фигурок, они задавали моду во всем, вплоть до оттенков теней для век («Мейбеллин» выпустил серебристые тени «Фобос» и фиолетовые «Деймос» в честь двух спутников Марса, а также розовые тени «Элла» и темно-синие «Лакши» в честь самых красивых колонисток). В понимании большинства они были героями, а герои должны выглядеть соответственно.

Адри не знала, что на это ответить.

– Я хорошо маскируюсь, – сказала она наконец, и Лили рассмеялась.

– А какая у тебя специальность? – спросила она. – У каждого колониста есть своя специализация, правильно?

– У меня биология и инженерное дело. Я займусь изучени-

ем окаменелостей и современных биологических образцов. И все колонисты должны уметь ремонтировать оборудование.

– Ох, – Лили сморщила нос. – Это так сложно.

– Потерять всех, кого ты любила, вот что по-настоящему сложно, – ответила Адри и сама поняла, что ляпнула что-то не то.

Лили посмотрела на нее удивленно, но, кажется, не обиделась. Она медленно отпила кофе.

– Да. Так и есть.

Под дружелюбным, пристальным взглядом Лили Адри чувствовала себя неуютно. Она оглядела кухню. Здесь все *проседало*, разваливалось на глазах. Полка над раковиной висела на одном гвозде, готовая свалиться в любую минуту. Дверцы буфета болтались на расшатанных петлях. Холодильник – весь увешанный магнитиками с изображениями ангелов – был совсем древним. Из тех допотопных моделей, которые не подключались к Интернету и не заказывали продукты автоматически. Интересно, почему Лили не вызвала мастеров, чтобы ей все починили?

Их взгляды встретились, и Лили подперла подбородок рукой.

– Что ж... Я понимаю, ты еще не проснулась, но мне *очень хочется* выяснить кое-что. Твой прадедушка был моим родным дядей, а твой дедушка, его сын – моим двоюродным братом. – Лили сплела пальцы в замок. – По телевизору была пе-

редача о механизмах наследственности, и там говорили, что даже черты характера передаются по родственной линии. Я подумала... Какой у тебя психотип, «критик» или «инспектор»?² По-моему, ты «инспектор»...

– Мне обязательно отвечать? – спросила Адри.

– Необязательно. – Лили обиженно замолчала, а потом пробормотала себе под нос: – Наверное, все-таки «критик».

Адри задумалась, сколько у них с Лили общих генов. Они чем-то похожи – особенно если принять во внимание их почти одинаковые острые подбородки, – и это сходство, наверное, тоже указывает на родство. Где-то они были связаны: на огромном родовом дереве, теперь растерявшем почти все свои ветви.

– Слушай, Лили...

– Да?

– Мне, наверное, нужно заранее извиниться. На самом деле, я человек мрачный и необщительный.

– Я уже догадалась, – сказала Лили, но как будто в шутку.

– Я просто хочу, чтобы ты знала: дело не в тебе. Дело во мне. Я такая, какая есть. Я очень тебе благодарна, что ты пригласила меня к себе. Просто мы вряд ли станем большими друзьями. Я очень плохо схожусь с людьми.

Лили долго смотрела на Адри, а когда собралась что-то сказать, ее отвлекло движение за окном.

– Это к тебе. – Она встала из-за стола и пошла открывать

² Типы личности согласно типологии Майерс – Бриггс.

входную дверь. — Мне никто ничего не шлет воздушной почтой.

К дому спустился почтовый дрон. Завис в полуметре над крыльцом, сбросил свой груз на верхнюю ступеньку, снова набрал высоту и улетел восвояси.

Лили подняла коробку и передала ее Адри. На ней было написано: «Колонистке Адри Ортис». Сердце Адри забилось быстрее.

— Кажется, что-то важное, — сказала Лили. — Ладно, не буду тебе мешать. — Она спустилась с крыльца, но остановилась на нижней ступеньке и обернулась к Адри. — Кстати, кто знает? Может, я тоже мрачный мизантроп. Забавно получится, если сегодня ночью я зарежу тебя во сне.

Адри удивленно уставилась на нее.

Лили улыбнулась и пошла прочь.

Рядом с кухней обнаружилась уютная комнатка — что-то вроде библиотеки-гостиной, — заставленная покосившейся старой мебелью. Полки на стенах проседали под тяжестью старых бумажных книг. Адри села на диванчик и вскрыла коробку.

Внутри оказался ППД, портативный проектор данных. Как только Адри положила его на ладонь, у нее над рукой поднялась голограмма: объемное изображение Ламонта Белла. Включился звук. Экран осветился, и по нему поползла бегущая строка.

Добро пожаловать в Канзас! Еще раз примите мои поздравления. Вы стали одной из немногих, кто допущен к участию в программе колонизации Марса. Нам повезло, что вы с нами, и я с нетерпением жду личной встречи! Наш первый сбор состоится 1 ноября в 10.00.

Примерно за месяц до старта мы с вами встретимся для индивидуальной беседы и утвердим ваше участие в программе. А пока что у нас будет время присмотреться друг к другу и определиться с вопросом дальнейшего сотрудничества. В ближайшие месяцы вам предстоит ознакомиться с нашим рабочим процессом, но не забывайте о том, что это время дается вам, в частности, чтобы подумать и принять окончательное решение. По статистике, двадцать процентов потенциальных участников отсеиваются на этапе предварительной подготовки, когда понимают, что не найдут в себе сил покинуть родную планету без возможности возвращения. Поскольку участие в программе должно происходить исключительно на добровольной основе, мы уважаем право каждого из соискателей на отказ.

Ждем вас в Центре подготовки в указанный день в указанное время.

Спасибо.

Адри не верилось: первый сбор только через одиннадцать дней. Почему так долго? Она примчалась сюда, чтобы сидеть и ждать? Да она умрет со скуки за это время.

В коробке лежали и другие устройства, с которыми надо было ознакомиться: портативный электронный переводчик, ППД с информацией о других колонистах из ее команды... Адри быстро просмотрела все профили и от скуки включила телевизор. Шла какая-то документальная передача о захоронении углерода где-то в Южно-Китайском море. Адри особенно не вникала. Она рассеянно смотрела в окно, выходящее на задний двор, где она гуляла сегодня утром.

Лили вернулась в дом и принялась прибираться в кухне. Адри тоже вышла на кухню и встала в дверях, с удивлением наблюдая за Лили. Особенно ее поразило, что Лили выкидывала весь мусор в ведро, а не в бак отдельной переработки, стоявший рядом.

– Слушай, Лили, – сказала Адри. – Ты не знаешь, сколько лет той черепахе? Галапагосе?

Лили посмотрела на нее через плечо.

– Точно не знаю, но она древняя как мир. Эти черепахи живут по сто пятьдесят лет, но ей, может быть, и того больше.

Адри задумалась, стоит ли признаваться, что она рылась в коробке, найденной в шкафу, но любопытство все-таки победило.

– Вчера вечером я открыла шкаф у себя в комнате и нашла коробку со старыми фотографиями и открытками. И там была одна открытка... От кого-то по имени Ленор кому-то по имени Бет. Отправленная в тысяча девятьсот двадцатом году. Там упоминается Галапагоса... Судя по всему, эта Ленор

ее очень любила и привезла откуда-то издалека. Даже как будто специально везла. Как ты думаешь, это может быть та же самая Галапагоса?

Лили бросила протирать раковину и задумчиво нахмурилась.

– Вполне может быть. Когда мама здесь поселилась, черепашка досталась ей вместе с домом. И со всей обстановкой, мебелью, книгами... Это было сто лет назад. В прямом смысле слова. Семья, которая здесь жила раньше... Они просто исчезли. Куда-то уехали и не взяли с собой ничего. Все оставили здесь. – Лили пыталась закрутить подтекающий кран. – Мама говорила, что они были ей как родные, но я ее не спрашивала. Вообще, как-то о них не задумывалась. Теперь вот жалею. Кроме тебя и меня, из нашей семьи никого не осталось. А тех людей звали... Как же их звали? Готлибы или Годфриды, как-то так. – Наконец справившись с краном, она обернулась к Адри. – Моя голова... – Она постучала себя пальцем по лбу и невесело улыбнулась. Адри ждала продолжения. – У меня старческая деменция, – пояснила Лили. – Случается, я забываю на время, что я уже старая. Звучит безумно, да? Вот недавно был случай: я была абсолютно уверена, что я молода и ищу работу. А потом я такая: «Эй, погоди. Ты же вышла на пенсию лет двадцать назад». – Она натужно рассмеялась. – Врачи говорят, я начну забывать, кто уже умер, а кто еще жив. – Ее улыбка погасла.

– Мне очень жаль, Лили, – сказала Адри.

– Такова жизнь, – вздохнула Лили. – Человечество научилось делать самовосстанавливающийся бетон и победило многие болезни, но еще не открыло лекарство от старческого маразма. Такое вот у меня «везение». – Она задумчиво нахмурилась. – У мамы была пачка писем. Об этих людях или от них, я не знаю... Она нашла эти письма, когда убиралась. Помню, я видела пару раз, как она их читает. Очень сосредоточенно, ничего вокруг не замечая. Но я уверена, она их выбросила на помойку. Мама была человеком несентиментальным. – Лили тяжело вздохнула. – Было бы интересно узнать, что для нее значили эти люди. Как они связаны с нами. Мне было бы приятно осознавать, что я не останусь последней из Ортисов, когда ты улетишь. Даже в наш век информации не всегда можно найти нужные сведения.

Они долго молчали, а потом Адри сказала:

– Ты уже оставалась последней из нашей семьи. До того как узнала обо мне. И как-то справлялась.

Лили пожала плечами.

– Я всегда о тебе знала. Уже давно сделала запрос на поиск совпадений по базе ДНК. Ты – единственная, кого им удалось разыскать.

Это известие застало Адри врасплох. Ее обидело и разочлило, что ей никто ничего не сказал. Но с другой стороны, она сама вряд ли помчалась бы знакомиться с Лили, если бы ей сообщили, что у нее есть какая-то дальняя родственница.

– Ты знаешь, что галапагосские черепахи – вымирающий

вид? – спросила она. – Они не должны быть домашними питомцами. Это запрещено.

Лили прищурилась, глядя на Адри, а потом улыбнулась.

– Ну, давай сообщим куда следует. Пусть ее арестуют. – Ее глаза зажглись озорным огоньком. – Включить телевизор? Сейчас как раз начинается сериал о маленькой девочке, которая умерла и попала на небеса.

Меньше всего Адри хотелось смотреть сериал о приключениях мертвой девочки.

– А до города далеко?

– Меньше мили. Могу тебя отвезти.

Лили явно хотелось продолжить общение, но Адри предпочла этого не замечать.

– Я лучше пройду пешком.

Сначала по обеим сторонам дороги, ведущей в город, были только поля пшеницы и пустые пастбища – и никаких домов в поле зрения. Мили через две Адри прошла мимо заброшенной автозаправочной станции с проржавелыми колонками и маленьким магазинчиком, в котором были выбиты все окна. Но здесь уже наблюдались какие-то признаки жизни: жестяная табличка, сообщавшая, что данная улица находится под опекой Городского клуба предпринимателей, станция зарядки электромобилей, ярко раскрашенный аэро-стат вдалеке, несущий по небу рекламу бактерицидного пластыря. Еще через милю вдоль дороги выстроились одноэтаж-

ные домики и магазины с кирпичными фасадами. Свернув на Мэйн-стрит, Адри прошла мимо продуктового магазина, выглядевшего на удивление прилично, мимо секонд-хенда, здания городской администрации и санитарного управления. На улицах не было ни души. Адри прошла городок насквозь. Сразу за ним начинались луга, тянувшиеся до самого горизонта.

Неудивительно, что Лили так обрадовалась компании. Она не шутила, когда говорила, что Ханаан вымер. Лили осталась совсем одна, безо всяких преувеличений.

В тот вечер, когда Лили ушла спать, Адри, охваченная любопытством, стала искать письма, о которых упоминала Лили, по всему дому. Но ничего не нашла. Поднявшись к себе, она еще раз перечитала открытку. Все так загадочно: исчезновение целой семьи – возможно, родственников Лили и Адри, – черепаха в подарок... Одна девушка пишет другой: «Ты меня ждешь? Ты полюбишь ее так же сильно, как люблю ее я?» Все так странно и невразумительно. Что такого особенно важного в черепахе, что человек везет ее через океан с другого конца света? Кто будет так сильно любить черепаху?

За окном поднималась луна. Адри знала, что где-то в этих краях есть астрономические обсерватории, но они далеко – из окна не увидишь. Она попыталась представить свое новое будущее.

Как люди, от которых зависело будущее планеты, ко-

лонисты получали астрономически дорогую, контролируруемую правительством нанотерапию, доступную только избранным. После комплекса процедур продолжительность жизни каждого колониста увеличивалась до невероятных пределов. Адри смотрела на свои руки и пыталась представить, какими они будут через сто пятьдесят лет – и даже больше.

Из всего того, что Адри старалась осмыслить за последнюю неделю, это была самая сложная часть. Каково человеку жить несколько сотен лет? Захочется ли ей самой жить так долго? Она смотрела в окно и пыталась представить, как это будет. Вот ее руки. Сейчас им семнадцать, а потом будет триста, четыреста, тысяча лет. Это никак не укладывалось в голове.

Адри вдруг поняла, что не так в этой комнате, в этом доме. Она прожила в Майами шестнадцать лет, и все эти годы прошли под плеск волн и рокот моторных лодок. Никогда раньше она не спала дальше чем в миле от океана.

Глава 3

Впервые в жизни у Адри появилась возможность спать допоздна и просыпаться не по будильнику. Каждое утро – все десять дней – она проводила на уютном диванчике в библиотеке, переключая каналы на телевизоре и погружаясь в безделье, как в плотный туман: никакой учебы, никаких электронных устройств, чтобы убивать время. От нечего делать она листала старые бумажные книги (кашляя от пыли). Бульварные детективы, любовные романы, мировая история, детские сказки. Большинство – на английском, несколько – на испанском. Полки просели под тяжестью книг.

Лили вроде бы смирились с тем, что они с Адри не станут друзьями, и уже не стремилась к сближению. Держала дистанцию. Хотя было заметно, что ей это стоило немалых усилий. Она наблюдала за Адри, когда думала, что та не видит, и нередко бывало, что Лили открывала рот, чтобы заговорить, но все-таки сдерживала себя. Они общались только за столом, во время еды. В основном Лили рассказывала о себе. Ее муж умер десять лет назад. Отца Лили не знала. Мама растила ее в одиночку и сама управлялась на ферме. Сестер и братьев у Лили не было.

Адри слушала с интересом. Лили будила в ней любопытство: ее мания собирать ангелов, ее привязанность к старой безлюдной ферме. У Адри было много вопросов, но она не

решалась высказать их вслух. Лезть к людям с расспросами – все равно что открыть коробку, которую потом не сможешь закрыть. Поэтому она была вежливой, но очень замкнутой. Если Лили спрашивала о чем-то, Адри отвечала: да, ей нравилось в интернате; нет, она не помнит своих родителей. Они погибли при наводнении во время урагана до того, как в Майами построили дамбу и «парящие» эстакады. Нет, она почти не горевала – все получилось как получилось. Но вообще они с Лили не особенно докучали друг другу. Каждый жил своей жизнью.

Но если Адри изнывала от скуки, то у Лили всегда было чем себя занять. В старом доме все рассыпалось на части и нуждалось в постоянном уходе. Много времени Лили проводила во дворе за домом то с лопатой, то с тачкой, то с поливочным шлангом. Адри, выросшая у моря, даже не представляла себе, сколько труда надо вложить в один крошечный клочок земли, чтобы вдохнуть в него жизнь.

За окном мелькали птицы не улетевшие на зиму в теплые края. С диванчика в библиотеке открывался хороший вид на домик черепахи. Иногда там появлялась Лили, когда устраивала перерывы в работе. Не зная, что за ней наблюдают, она садилась перед Галапагосой нос к носу, что-то ей говорила, гладила по голове. Бывало, Лили заходила в дом и вздрагивала, увидев Адри. Как будто уже успевала забыть, что теперь живет не одна. Лили трясла головой, стараясь скрыть смущение, и Адри делала вид, будто ничего не замечает.

Они вполне мирно сосуществовали бок о бок, не мешая друг другу, и Адри уже начала думать, что все будет не так уж и плохо. Но была одна проблема, с которой Адри не знала как бороться: она всегда разочаровывалась в людях, и Лили не стала исключением. Адри бесила привычка Лили включать отопление на полную мощность и расхаживать по дому в шортах. («Лили, надо экономить тепло. У тебя же нет солнечных батарей, ты зря тратишь энергию», – говорила она. Лили кивала в ответ и продолжала держать в доме температуру под тридцать градусов.) Также Адри раздражало, что Лили смотрела сериалы о девочках, попавших на небеса, и ее совершенно не интересовало, что сейчас происходит в мире. И что Лили ездила на допотопном автомобиле с неэкологичным бензиновым двигателем.

Поэтому Адри стоило немалых усилий обратиться к Лили с просьбой отвезти ее в Уичито, когда окончательно стало ясно, что ее «тета» уже не воскреснет.

– Ты же вроде бы не слепая.

Адри вцепилась в подлокотники сиденья, когда Лили лихо зарулила на стоянку перед огромным белым каменным зданием в центре Уичито. За последний час Лили успела дважды подрезать одну и ту же машину, чуть ли не сбить пешехода на зебре («Видела, какое у нее было лицо? В штаны, небось, наложила», – радостно объявила Лили) и проехать в обратную сторону по улице с односторонним движением.

Теперь она достала из сумки шапку с ушами, как у плюшевого медвежонка, и нахлобучила ее на голову.

– Ты похожа на городскую сумасшедшую, – сказала Адри.

– А ты похожа на скучного обывателя, – отозвалась Лили, выходя из машины. Адри тоже вышла из машины и постаралась разгладить складки на мягкой рубашке. Ее сердце бешено колотилось, и ее всю трясло от волнения, хотя она сама толком не знала, что было причиной: практически предсмертный опыт автомобильной поездки с Лили на грани жизни и смерти или же неизвестность, ожидавшая впереди.

Адри с любопытством огляделась по сторонам. Уичи то был «городом будущего»: городом глянцевых небоскребов и тонких башен, которые как бы парили в воздухе, вырастая из аккуратно подстриженной зелени широких бульваров.

Реконструкция старого Уичито началась лет пятнадцать назад, когда все основные правительственные учреждения переехали из Вашингтона, теперь превратившегося в город на болоте. Центр подготовки колонистов, построенный при содействии главных партнеров из Китая и Никарагуа, и космодром Z расположились в Уичито, потому что здесь не было наводнений, землетрясений и ураганов, зато была развитая инфраструктура и много свободного пространства для строительства, испытаний и запуска космических кораблей.

Когда они поднимались по лестнице ко входу в Центр, Лили потянулась к руке Адри, но тут же отдернула руку.

– Тебе помочь? – спросила Адри.

– Я стараюсь не вторгаться в твое личное пространство, – пробормотала Лили, отдуваясь. На широкой каменной лестнице она казалась особенно хрупкой и маленькой.

Адри взяла ее за руку.

– Я не против. Все-таки я не *совсем* сволочь. В смысле, я не сбиваю на улице пешеходов и не сталкиваю детские коляски на проезжую часть.

По-прежнему держась за руки, они подошли к стойке администратора и получили пропуска. После чего их проводили в большую комнату, где было полно народа, все – ровесники Адри.

Лили застыла в дверях и растерянно огляделась.

– Что это за место?

Адри покосилась на нее.

– Центр подготовки. Ты что, забыла?

– Ах да. – Лили кивнула и неуверенно улыбнулась. – Точно. – Она нехотя отпустила руку Адри. – Я подожду в вестибюле, вместе с другими старыми пнями, – пошутила она и отошла в сторону.

В комнате стоял гул голосов, отражавшийся эхом от пустых, ослепительно-белых стен. Адри узнала членов своей команды по фотографиям и видеофрагментам из их личных профилей. Алекса, инженер из Денвера. Саба, ботаник из Кувейта. Двое атлетов, бывших кандидатов в олимпийскую сборную, ушедших из спорта и получивших дипломы по ки-

незиологии. Парень по имени Д'Анджело, специалист по наноинженерии. Программист по имени Шайла. За исключением пары специалистов за сорок, средний возраст собравшихся составлял двадцать лет: кому-то чуть больше, кому-то чуть меньше. В программу охотнее брали молодых кандидатов, исходя из физической пригодности соискателей и их потенциальной готовности заселить Марс новыми поколениями землян – то есть уже марсиан, – но Адри знала из информационного бюллетеня, что их группа была самой юной за всю историю колонизации Марса.

Пока остальные собравшиеся знакомились и общались, Адри уселась, выбрав место подальше от всех, и приняла свою коронную позу задумчивой сосредоточенности.

Свет внезапно померк, и на белых стенах включились голографические изображения поверхности Марса, настолько реалистичные и детальные, что казалось: протяни руку и зачерпнешь горсть красной пыли. Создавалось полное ощущение присутствия внутри пейзажа, состоявшего из высоченных гор, бездонных кратеров и нагромождений гигантских валунов.

В комнату вошел человек, выхваченный из темноты лучом света. Все собравшиеся разом притихли, повернувшись к Ламонту Беллу: элегантному мужчине за сорок, в ладно сшитом синем костюме. От него исходили уверенность, компетентность и искреннее воодушевление.

Он положил на стол планшет, провел пальцем по экрану,

ничуть не смущаясь под взглядами, направленными на него со всех сторон, потом поднял голову и заговорил:

– Я всех вас знаю в лицо и очень рад познакомиться лично. Еще раз примите мои поздравления: вы прошли долгий путь и практически вышли на финишную прямую. Мы рады, что с нами такие люди. Вас выбрали для участия в программе не только из-за выдающихся профессиональных способностей, но также из-за личных качеств. В этом проекте нам необходимы не только хорошие специалисты, но и хорошие люди. И мы нашли лучших из лучших. Это не лесть, это чистая правда. А теперь – к делу. – Он провел пальцем по экрану планшета. Марсианский пейзаж сдвинулся и поплыл по кругу. – Позвольте мне повторить вкратце кое-что из того, что вы уже знаете. Марс – потрясающе красивое место. Там находятся крупнейшие из известных нам вулканов Солнечной системы; кратеры, по сравнению с которыми Большой каньон смотрится крошечной рытвиной; гигантские речные русла – пока без воды, но мы надеемся, это не навсегда; и ледяные поля, что простираются на многие мили.

Произнося свою речь, он увеличивал изображения того, о чем говорил. Голографические картины занимали почти все пространство в центре комнаты, создавая у слушателей впечатление, что они находятся внутри пейзажа.

– Там есть все необходимое для производства одежды, пластмасс, стали, топлива и, конечно же, нашего жидкого золота – воды. На сегодняшний день Марс практически не на-

селен, но в скором будущем все изменится. Сейчас там работают четыреста двадцать два человека, а скоро их будет... — Ламонт обвел взглядом комнату. — Скоро их будет четыреста тридцать восемь. Эти люди живут в одном-единственном комплексе, размером примерно с торговый центр.

В центре комнаты включилось объемное изображение прозрачного купола в разрезе. Несколько уровней-этажей. Жилая квартира с видом на каменистую сухую пустошь, над которой встают две луны. Кинотеатр. Бассейн. Картинки сменяли друг друга. Ровные грядки с капустой под кевларовым куполом высотой под сто метров. Женщина, склонившаяся над грядкой. Улыбающаяся пара с младенцем на руках.

— С начала программы на Марсе заключено четырнадцать браков, и на данный момент за пределами Земли родились девять детей. Этот аспект очень важен, и вы были выбраны для участия в программе, помимо прочего, и с учетом психологической совместимости. Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что мы надеемся, вы уживетесь друг с другом.

Адри нервно заерзала на стуле. Она ненавидела *уживаться* с кем бы то ни было.

— Вы строите будущее человечества, и это поистине грандиозное будущее. Когда-нибудь мы преобразуем состав атмосферы на Марсе, чтобы человек мог свободно ходить и дышать без скафандра. Когда-нибудь мы снимем шлемы и

выйдем из-под защиты жилых куполов. И это будет и ваш вклад тоже. Я встречу с каждым из вас лично. Дату и время индивидуальной беседы вам сообщат дополнительно. После этого собеседования мы примем окончательное решение, подтвердим обоюдные обязательства и подпишем контракт. В ближайшие два с половиной месяца вам предстоит пройти интенсивную предстартовую подготовку и получить дополнительную специальность. Сейчас вы посмотрите небольшой информационный ролик, а я пока с вами прощаюсь.

Он запустил видео – первый голографический кадр: космический корабль на старте – и вышел из комнаты. В фильме не было ничего нового, все это Адри уже знала: техническая информация о перелете, химический состав атмосферы Марса, его недр и поверхности, общие принципы работы жилых куполов, дальнейшие планы по освоению Марса и превращения его в планету, пригодную для жизни.

Когда фильм закончился, включился свет, но в центре комнаты задержалось объемное изображение леса, который когда-нибудь будет посажен на Марсе. Адри будет скучать по лесам. Она только теперь поняла, что на Земле остается много всего, с чем ей жаль расставаться.

Собравшиеся не спешили расходиться. Они разговаривали друг с другом, шутили, смеялись. Адри застенчиво прикнула к группе, направлявшейся к выходу, но они замешкались в дверях, не желая прерывать беседу, и Адри пришлось неловко встать с краю. Вроде как она с ними, а вроде сама по

себе. Потом какая-то девушка – кажется, Саба – обернулась к ней и улыбнулась.

Адри отчаянно пыталась придумать, что сказать. Она категорически не умела говорить ни о чем с незнакомыми людьми, но знала, что надо знакомиться, взаимодействовать, *уживаться*. А как иначе? Она взглянула на голографический лес и пробормотала, схватившись за соломинку:

– Я люблю живую природу.

И тут же смутилась и покраснела. *Я люблю живую природу?! Это надо же такое ляпнуть!*

Саба растерянно заморгала, и Адри сделала вид, что ей скучно.

– Ладно, увидимся, – пробурчала она и принялась пробираться к выходу сквозь толпу.

Адри решительно заявила, что сама сядет за руль на обратном пути. Навигатор в машине Лили не работал, и на выезде из города они заблудились. Они трижды проехали мимо заповедника вымирающих видов животных, который Лили упорно именовала зоопарком, и мимо комплекса зданий городской администрации. Наконец ей удалось вырулить в пригород: очень приятный зеленый район старых частных домов.

Лили смотрела в окно, тихо напевая себе под нос и явно о чем-то размышляя.

– Что? – раздраженно спросила Адри. Злилась она на се-

бя. Она все еще не успокоилась после неловкой и неудачной попытки вступить в беседу с Сабой.

– В голове не укладывается, как вы могли на такое решиться, – сказала Лили. – Не понимаю, зачем вам на Марс.

– Лично мне хочется сделать что-то полезное. – Адри сама поняла, что ответ получился каким-то уж слишком резким. Она сделала глубокий вдох и добавила: – Возможно, уже в скором времени людям *придется* переселиться на Марс.

Лили вежливо кивнула. Кажется, эта тема была ей совершенно не интересна.

– Да, наверное, – пробормотала она.

– Как будто мы заново создаем мир, – сказала Адри. Ей почему-то хотелось, чтобы Лили поняла и прониклась. – Только на этот раз мы подойдем к делу с умом. И все сделаем правильно.

Лили надолго задумалась.

– Просто мне интересно, ради кого ты спасаешь мир. Как я поняла, ты не любишь людей.

Адри взглянула на нее, на секунду оторвав взгляд от дороги.

– Просто это действительно большая жертва, – задумчиво проговорила Лили. – Акт наивысшей любви.

Адри долго молчала, подбирая слова.

– Взаимодействовать друг с другом это в наших же интересах. Любовь – механизм выживания. Инструмент эволюции.

Лили закатила глаза.

– О боже.

Адри раздражало, что Лили не понимает: все завидуют колонистам. И колонисты достойны всеобщей зависти.

– Тут есть свои плюсы, – сказала она, сосредоточенно глядя прямо перед собой. – Я буду жить несколько сотен лет.

– Пф. Кому захочется жить так долго? Я бы не согласилась даже за миллион долларов. – Лили взмахнула руками, словно отталкивая невидимый подарок.

– И хорошо. Туда набирают только молодых, – не сдержалась Адри.

Лили лукаво прищурилась, словно ее забавлял этот спор.

– И что такого хорошего в молодых? – спросила она.

– Например, – сказала Адри, – мы не испоганили нашу планету, как вы. Я имею в виду, старшее поколение.

Лили опять отмахнулась, но в этот раз было заметно, что она внутренне напряглась.

– Я знаю, что вы, молодые, как-нибудь разберетесь. Все не так плохо на самом деле.

– Да, там нет Майами, и вряд ли есть Бангладеш и белые медведи, – натянуто проговорила Адри. – Человечество тратит миллиарды долларов, чтобы создать колонию на Марсе, потому что нам нужна стратегия выхода. Что должно произойти, чтобы ты поняла, *насколько* все плохо?

Лили долго молчала, и Адри вдруг стало стыдно. Она вела себя как идиотка. Набросилась на старую женщину с обви-

нениями, попыталась задеть ее чувства, даже не зная, зачем ей это надо.

– Ты мне солгала, – сказала Лили, глядя в окно.

– В чем? – спросила Адри.

– Ты *та еще* сволочь.

Они опять долго молчали. Адри переваривала услышанное. Это было обидно, но, вероятно, правдиво. А потом Лили легонько ущипнула ее за плечо.

– Но это не страшно. Я люблю сволочей. Они колоритные. Адри сердито нахмурилась.

– Можно я буду тебе писать? Когда ты улетишь? – спросила Лили.

– Конечно, можно. У нас будет видеосвязь. Мы же не в девятнадцатом веке. И я не принимаю обет молчания.

Лили улыбнулась.

– Конечно. Все так быстро меняется, я не успеваю следить. Я всегда думала, это так хорошо... Жизнь меняется. Но, кажется, я ошибалась. – Она невесело усмехнулась.

Они подъехали к дому. Лили вышла из машины и огляделась по сторонам.

– Моя мама была оптимисткой. Наверное, это у нас семейное. – Она покосилась на Адри. – Она любила эту ферму. А теперь не осталось почти никого, кто ее помнит.

Адри посмотрела в сторону домика черепахи. Лили проследила за ее взглядом. Галапагоса смотрела на них и жевала большой лист салата.

– Вот *она* помнит, – сказала Лили. – Как те очки в «Великом Гэтсби». Она видела все, но никому ничего не расскажет.

Адри не читала «Великого Гэтсби».

– Ты на нее очень похожа, – сказала Лили. – На мою маму. Она тоже была как стихия, как сила природы.

Адри не знала, что на это ответить, и поэтому промолчала. Она не любила выслушивать комплименты, они ее только смущали. И еще она искренне не понимала, почему Лили так безудержно и настойчиво с ней мила.

Лили в тот вечер пошла спать раньше, и Адри решила опять поискать письма – без особой надежды. Это был странный, необъяснимый порыв, не понятный даже ей самой. Может быть, ей хотелось найти эти письма, чтобы отдать их Лили – в качестве извинений за грубость. Адри осмотрела все комнаты – кроме той, где спала Лили, – заглянула во все шкафы и все ящики, поднялась на чердак (она в жизни не видела столько хлама, собранного в одном месте). И наконец в библиотеке, за рядом книг, в зазоре между стеной и покосившейся полкой обнаружился толстый конверт из плотной бумаги. Внутри лежал блокнот в тканевом переплете с обтрепавшимися краями. На внутренней стороне обложки было написано от руки: «Дневник Кэтрин Годспид». Адри даже не верилось, что она нашла этот дневник, столько лет пролежавший за книжной полкой.

Первая страница блокнота была исписана сверху донизу мелким, убористым и неразборчивым почерком. Когда Адри хотела открыть дневник на последней странице, из него выпала пачка почтовых конвертов и открыток, разлетевшихся по полу. Бумага пожелтела от времени, чернила выцвели, но надписи еще читались. Все открытки и письма были адресованы Бет Эбботт (а более поздние – миссис Бет Годспид). Отправителем значилась Ленор Олсток, Форест-Роу, Англия.

Сложив все бумаги в неровную стопку, Адри сунула их обратно в блокнот и унесла в свою комнату.

Годы спустя, даже когда Адри удалось собрать всю информацию, которую только можно было найти, она всегда вспоминала тот вечер в доме Лили как первое и поэтому самое ценное прикосновение к своей истории.

Усевшись на кровати и скрестив ноги, она открыла первую страницу дневника и принялась разбирать мелкий почерк.

Сегодня утром опять была буря. Пыль налетела словно из ниоткуда. Как серая туча, мчавшаяся не по небу, а по земле.

Она читала всю ночь до рассвета.

Кэтрин. Часть I

Дневник Кэтрин Годспид

Ханаан, Канзас

20 мая 1934 года

Сегодня утром опять была буря. Пыль налетела словно из ниоткуда. Как серая туча, мчавшаяся не по небу, а по земле. Я вышла из сарая и увидела облако пыли на северо-восточной границе участка. Бежать в дом было поздно. Пришлось схватиться за изгородь, чтобы меня не сбило с ног, и тут налетел вихрь. Прошелся по коже песком, как наждачкой. Пыль забила в глаза и горло. А потом все прошло, и небо вновь сделалось беспощадно безоблачным.

Теперь все покрыто тонким слоем песка. Мамины книги в библиотеке припорошены мелкой пылью. Тост за завтраком скрипел на зубах, яичница тоже. Но на этой неделе нам еще повезло. Бывает, что пыльные бури не стихают по несколько дней.

Мне снится дождь и мокрые листья, даже когда я не сплю. Хочется лечь на клочок свежей зеленой травы и никогда не вставать.

Я нашла эту открытку на дне ящика маминого комода, когда искала монетки, которые мама могла отложить, когда с деньгами было не так туго.

Я перечитала открытку раз шесть и все равно ничего не понимаю. У нас нет никого из знакомых по имени Ленор, и мама ни разу не упоминала о ком-то, кого так зовут.

Я вижу маму в окно. Она копается в огороде, который нас кормит. Я вижу Эллиса, нашего помощника, у сарая. Эллис слушает по радио трансляцию бейсбольного матча и кладет сено в кормушку нашей единственной тощей коровы. Галапагоса барахтается в грязи – там, где когда-то был пруд, – и пытается поймать муху. Бизи в прихожей кашляет на собаку.

Мне хочется расспросить маму об этой Ленор, но мама, как никто другой, умеет превращаться в камень. Можно говорить с ней часами, и она не произнесет ни слова. Всю жизнь я пытаюсь научиться считывать ее сигналы. Она любого затянет в свое молчание.

Сегодня утром она сказала, что почувствовала в сухом ветре запах дождя. Мы все переглянулись и согласились, что дождь уже на подходе. Но согласились лишь на словах. Наши глаза говорили другое.

Наш дом полон секретов. Главный секрет: нам всем страшно.

Двадцать четыре солнечных дня подряд. Куда подевались облака?

25 мая 1934 года

Утром в церкви мы молились о дожде и о здоровье президента Рузвельта. Почти всю службу я следила за Бизи, чтобы

она не ковырялась в носу и не вгоняла нас в краску своими размышлениями вслух вроде того, что Иисус не особенно-то и страдал, если заранее знал, что отправится прямо на небеса. С виду Бизи маленькая и хрупкая, но она та еще озорница, и все это знают. В то же время меня почти никто не замечает. Даже мама называет меня своим серым воробышком: я некрасивая и неприметная. Но Эллис говорит, что я никакой не воробышек, а гриф или коршун, если судить по тому, как я нарезаю круги по дому по вечерам. Я беспокойная, неугомонная, не могу ни минуты усидеть на месте.

Именно Эллис посоветовал мне завести дневник. В церкви Эллис сидит на краю нашей семейной скамейки, и каждый раз, когда я на него смотрю, он неизменно разглядывает свои руки, низко склонив голову. Когда мне становится скучно во время службы, я представляю, как Эллис спит у себя в амбаре – и мысленно бужу его поцелуем.

Как это обычно бывает после воскресной службы, народ не спешил расходиться. Люди толпились на церковном дворе, окликали друг друга, здоровались, делились новостями за прошедшую неделю. Как только мы вышли на Мэйн-стрит, жар солнца обрушился на нас, как кувалда. Как всегда, все подходили перемолвиться словом с Эллисом. Если я серый воробышек, то он – яркий павлин. Черноволосый, пригожий, с неизменной смешинкой в глазах и открытой улыбкой, будто он искренне рад всему миру, и каждый

прохожий – его добрый друг. Люди тянутся к Эллису. В городе все его любят.

По дороге домой мы зашли в лавку к Джеку. Пока мама выменивала муку на старый фермерский инвентарь, мы с Эллисом отбирали нужные нам товары и складывали их на прилавок. Я взяла в руки яблоко, подержала секунду и положила на место, потому что для нас это не магазин, а скорее музей сокровищ. По большей части.

– Тут пишут, последняя пыльная буря дошла аж до Нью-Йорка, Бет, – сказал Джек маме, склонившейся над газетой, что лежала на дальнем конце прилавка. Выглядел Джек неважно. Изможденный, поблекший, встревоженный. Как и все в городе. – Пишут, в некоторых районах Техаса пыли нанесло столько, что она даже машины засыпала чуть не под крышу.

– Господь даст нам дождь, – отозвалась мама. У нее так и остался легкий английский акцент, хотя, казалось бы, за столько лет от него можно было избавиться полностью. Мама приехала сюда из Англии, когда была совсем юной. Она всегда говорит, что трава там зеленая, влажная и густая, и деревья покрыты зеленью, сочной, как лаймы.

Мамина вера крепка, а моя утекает сквозь пальцы, как струйки пыли. И мне ее не удержать.

Лайла, дочь Джека, выбежала из подсобки и радостно нам помахала. Как и все девчонки в городе, она по уши влюблена в Эллиса. И, по-моему, он тоже в нее влюблен. Им обоим

семнадцать, они на год старше меня. Эллису нравится меня дразнить, называя малявкой, но когда он так делает, Лайла смотрит на него с укором, молчаливо поддерживая меня.

Лайла принялась переставлять товары на полках, стараясь держаться ближе к Эллису. Он оперся о прилавок и постучал пальцами по столешнице.

– Не сделаешь скидку на яблочко? – спросил он, беря в руку яблоко, которое я только что положила на место. Я жутко смутилась, но Лайла улыбнулась, отобрала яблоко у Эллиса и положила в кулек с мукой совершенно бесплатно. Так Эллис воздействует на людей. Я знала, что поделюсь яблоком с Бизи – и, скорее всего, мне достанется только долька, – но у меня все равно стало тепло на душе.

Эллис обернулся ко мне, собрался что-то сказать, но тут наше внимание привлекла яркая афиша на стене позади кассы – мы увидели ее одновременно.

Афиша скромно висела ниже уровня глаз: почти все пространство листа занимала картинка с красивой танцовщицей в длинной золотой юбке и серьгами-кольцами в ушах. На заднем плане виднелись львы, кобра, поднимавшаяся из корзины, мужчина с огромными гирями, колесо обозрения. Поверху шла надпись большими красными буквами: «Цирк «Шурум-бурум». Скоро и в вашем городе!»

– Ух ты! – проговорила я шепотом.

– Ух ты! – эхом повторил Эллис. – Ты посмотри на нее!

Я шлепнула его по руке и покачала головой. Я смотрела

вовсе не на танцовщицу, а на маленькую картинку в правом верхнем углу афиши, как будто наклепленную поверх в самый последний момент. Две узловатые старческие руки, между ними бьет молния, а написано: «Вы готовы отдать 10 долларов за вечную жизнь? Мы даем вам такую возможность. Только в «Электрике»! Только в полночь!»

– Что такое «Электрика»? – спросила я Джека.

– Как я понимаю, какой-то аттракцион. Они здесь пробуют недели три, если не больше. Заплатили мне два доллара, просто чтобы повесить свою афишу, но... – Он смущенно взглянул на маму. – Наверное, я ее уберу и верну им деньги.

– Это было бы правильное решение, – сказала мама, с сомнением глядя на афишу. Мама – человек робкий и осторожный. Никогда в жизни она не нарушила ни единого правила и очень считалась с общественным мнением, а бродячие цирки общественность не одобряла.

Но по дороге домой эта афиша никак не шла у меня из головы: сморщенные старческие руки, зигзаг молнии.

Однажды Эллис сказал, что если бы можно было взвесить человека вместе с душой, то я состояла бы на два процента из жира, на десять из воды, и на девяносто – из неисполнимых желаний. (Эллис считает, что знает меня лучше всех – даже лучше, чем я сама себя знаю, – но с математикой у него туго.) Он говорит, я так много думаю о дожде, говорю о дожде и мечтаю о дожде, что в следующей жизни я стану лужей, и вот тогда буду счастлива. Каждый раз, когда нам попадаются

фотографии из других городов и стран, я говорю ему, что мне хочется там побывать.

Я вообще говорю ему много такого, чего никогда не скажу никому другому. Но если Эллис узнает, как отчаянно мне нужны десять долларов на «Электрику», он рассмеется мне прямо в лицо. Я не хочу, чтобы он обо мне плохо думал. Суеверия он ненавидит так же сильно, как большие города, шпинат и змей.

Эллис появился у нас за три года до пыльных бурь, сразу после смерти папы. Дело было зимой, а зима в тот год выдалась лютой. Ему было восемь, мне – семь. Фермеры встречали поезда, набитые сиротами из городов, и отбирали детишек, будто щенков.

Мама не знала, что я увязалась за ней. Маме нужен был сильный, здоровый мальчишка постарше, чтобы помогать ей с тяжелой работой на ферме, с которой она не справлялась без папы. А я хотела младшую сестренку. И когда мама отправилась на станцию, я спряталась на заднем сиденье и поехала с ней, чтобы самой выбрать себе сестру. (Тогда я не знала, что мама беременна Бизи.)

Но нашим желаниям не суждено было сбыться. Мы приехали слишком поздно, и на перроне остался всего один мальчик, которого никто не взял. Мальчик вполне подходящего возраста для маминых нужд, но худенький, бледный и хрупкий, почти прозрачный. Один, без пальто, он стоял на снегу

и трясся от холода. Мама хотела отдать ему свое пальто, но он сказал: «Нет, спасибо». Мол, ему вовсе не холодно. Он пытался казаться сильным и независимым, но не особенно убедительно. Мама смотрела на него с жалостью и состраданием. Я уже поняла, к чему все идет.

– Нет, – прошептала я. – Я его не хочу. Не надо, мама. Пожалуйста. Он нам не нужен.

Но мама его пожалела, как жалела птичек, придушенных кошками, как жалела того слабенького новорожденного теленка, которого вернула к жизни, сделав искусственное дыхание.

– Что ж, – сказала она, пристально глядя на мальчика. – Ты пойдешь с нами.

Первое, что я сказала ему, когда мы уселись в машину:

– Мы хотели девочку.

Он виновато потупился, съезжившись на заднем сиденье. Наверное, тогда я в него и влюбилась. И люблю до сих пор.

Теперь Эллис любит Ханаан, может быть, даже сильнее, чем мама. Он говорит, что тот день, когда он сошел с поезда в нашем городе, был самым счастливым днем в его жизни.

28 мая 1934 года

У меня есть только минутка, чтобы все записать. Я спросила у мамы про ту открытку.

Это было вчера, после обеда. Мы с мамой крепили на окна чистые простыни (за четыре дня бурь прежние пропылились

насквозь). С мамой лучше всего разговаривать, когда ее руки заняты работой. Тогда из нее можно хоть что-то вытянуть.

– Мама, – спросила я. – Кто такая Ленор?

Она замерла на секунду, опершись на подоконник.

– Моя давняя подруга, – сказала она и добавила, помолчав: – Она умерла.

Как будто это все объясняло.

– Близкая подруга? – спросила я.

Мама обернулась ко мне.

– Нет, не очень близкая. Мы дружили, когда я жила в Англии. Когда мы были совсем детьми. А потом наши пути разошлись.

– Ясно.

Она мягко сжала мое плечо и вернулась к работе. Так она выражает нам с Бизи свою любовь: сжать плечо, приобнять на ходу. Мама не любит говорить о своих чувствах вслух.

Собственно, вот и все. Когда мы закончили крепить простыни к рамам, мама сразу ушла к себе в комнату. Как я уже говорила, разговаривать с мамой – все равно что беседовать с каменным изваянием. По крайней мере, она не спросила, откуда я вообще знаю имя Ленор.

Но вчера ночью, когда я спустилась в кухню попить молока, в кладовке что-то шуршало. Сперва я решила, что это мышь, но потом различила приглушенные всхлипы. Стены у нас в доме тонкие, и мама закрылась в кладовке внизу, чтобы не разбудить нас с Бизи своим плачем.

Опять поднялся ветер. Я уже начинаю тихо ненавидеть шум ветра.

5 июня 1934 года

Сию на камне у пруда, который теперь превратился в грязевую яму. Надо идти убираться в курятнике, но я тяну время. Солнце жарит всю, легкий ветерок не приносит прохлады. В дальнем конце двора вертится мельница, но ее колесо не вспенивает воду: просто скрипит, месит грязь. Но даже сейчас здесь красиво. Кажется, если как следует приглядеться, можно заглянуть за край земли.

Я читала «Джейн Эйр», но книжка закончилась слишком быстро. Изнывая от скуки, я решила прочесть все книги из маминой библиотеки, но при таких темпах мне их не хватит и на полгода. Купить новые книги мне не на что, и придется сидеть и разглядывать стены.

Шкипер с Галапагосой грызутся, как пожилая семейная пара. Мы больше не выпускаем Шкипера со двора, потому что на прошлой неделе Блинкера, пса Чилтонов, унесла буря. От скуки Шкипер пытается пасти Галапагосу. Прямо сейчас она смотрит на него если не с отвращением, то с презрением уж точно. Галапагосу никто не заставит делать то, что ей не по душе.

Теперь, когда я нашла ту открытку, я по-другому взглянула на Галапагосу. Мама поселила ее на лучшей стороне пруда и соорудила ей несколько деревянных навесов, чтобы защи-

тить от солнца. И хотя нам приходится экономить на всем – у нас осталось всего три курицы и одна тощая корова, – мама старается, чтобы черепаха ни в чем не знала нужды. Она каждый день носит ей свежую воду: чтобы Галапагоса пила и охлаждала лапы. Мама делится с ней помидорами из нашего скудного урожая, ежевикой, которую ей удастся найти или купить, и чахлым салатом-латуком, что худо-бедно растет в огороде.

– Она еще подросток, – говорит мама. – Ей надо хорошо питаться.

И Галапагоса ведет себя как королева. По утрам она любит греться на солнышке, а ближе к полудню прячется в тень и наблюдает, как мы работаем, и тянет шею, как будто смотрит захватывающий спектакль.

Но я начала эту запись вовсе не из-за Галапагосы, а из-за того, что сказала миссис Чилтон, когда заходила к нам утром. Она стояла у нас в кухне и держала двух своих младших детей, чтобы они не приближались к Бизи, старательно и напоказ кашлявшей на свою куклу. Чтобы никому даже в голову не пришло с ней играть. (Бизи кашляет уже несколько месяцев и нередко использует этот кашель для своих не всегда добрых целей.)

Воздух в кухне чуть ли не искрился от накопленного электричества, как это часто бывает перед пыльной бурей. Перемещаясь по тесной кухоньке, мы старались не прикасаться друг к другу, чтобы и вправду не высечь искру. (Известны

случаи, когда во время особенно сильных бурь от статики в воздухе заводились машины.) Впрочем, у миссис Чилтон семеро детей, и волосы у нее постоянно выглядят так, словно ее потрянуло током. Она однажды сказала маме: «Кэти с виду невзрачная, зато работающая». Но я на нее не в обиде. Когда человек так устает, он уже мало что соображает.

— Дэвид хочет податься на запад, — небрежно проговорила она, отпив чай. Как будто это был какой-то пустяк, едва ли стоивший упоминания. — Говорит, что он больше не выдержит в этом отравленном воздухе. Он беспокоится за малышку Лиззи.

— Какой еще запад? — спросила мама скучающим голосом, словно не знала, что такое запад и, собственно, не стремилась узнать. Она так яростно месила тесто, будто мстила ему за какую-то смертельную обиду. День начался весело. С утра пораньше Бизи оборвала простыни, которые мы вчера весь день крепили на окна, и свалила все на Шкипера. Когда мы спросили, откуда тогда взялись на простынях отпечатки ее грязных рук, она бухнулась на пол рядом со Шкипером, подняла его переднюю лапу и принялась убеждать нас, что подушечки собачьих лап совершенно не отличались от человеческих ладоней. Шкипер — ее лучший друг, но она постоянно сваливает на него вину за свои многочисленные проказы.

— Так я ему и сказала. Ехать на запад — все равно что бросаться в черную дыру. На что мы будем там жить? И люди на западе нас ненавидят.

И это правда. Они называют нас «оки»³ независимо от того, из какого мы штата на самом деле. Они принимают специальные законы, чтобы не пускать нас к себе.

Мама откинула волосы со вспотевшего лба.

– Погода скоро изменится.

– Так я ему и сказала, Бет, – кивнула миссис Чилтон. – Помяни мое слово, пока я жива, мы никуда не уедем из нашего дома. Я лучше умру, чем уеду. Здесь наш дом.

Мама продолжала молча месить тесто. Говорит она мало, все больше слушает, и поэтому люди считают, что она с ними согласна – или не согласна, в зависимости от их собственного настроения. Но я знаю, что мама никогда не покинет Ханаан. Каждый раз, когда я завожу разговор, что нам надо скорее отсюда уехать (пока мы тут не утонули в пыли), она находит тысячи причин, по которым это никак невозможно: у нас нет денег, нет почти ничего, что можно продать, и в больших городах жизнь нисколько не лучше – работы нет⁴, люди торгуют на улицах, чтобы хоть как-то выжить, повсюду свирепствует инфлюэнца, и мы никого там не знаем. Все так, я не спорю. Но я все равно с ней не согласна.

– Этот город когда-то был раем, – говорила она много раз, – и он опять будет раем, только нужно чуть-чуть потер-

³ Так называли в 1930-е гг. беженцев с территорий, подверженных пыльным бурям, в том числе из штата Оклахома.

⁴ Речь о Великой депрессии – мировом экономическом кризисе, продолжавшемся с 1929 по 1939 г.

петь. — Она встряхивала головой, словно пытаясь сбросить уныние. — Мы пережили плохие годы. Скоро наступят хорошие. Бог в своей доброте не допустит, чтобы люди страдали без меры. Вечно тебе не сидится на месте, — добавила она.

Миновало четыре года с тех пор, как все началось и прекратились дожди. Небеса пересохли не сразу. Сначала — лишь две-три недели сухой погоды. Легкие облачка пыли. Кажется, еще вчера на полях колосилась пшеница — до самого горизонта.

Я помню то время, когда мне представлялось, будто мы — самые счастливые люди на свете. Все было понятно и просто, и казалось, так будет всегда. Мы встречали других людей — они приходили в наш город в поисках работы, но не получали ее по причине сомнительной биографии, или из-за предрассудков по поводу их цвета кожи, или просто из-за неопрятного вида, — и мы с ними были словно из разных пород людей. Везучие и невезучие. Люди, которые от рождения были счастливы и процветали, и которые нет. Так нам казалось. По глупости.

Было время, когда мама мне говорила, что мечтает вернуться в Англию, снова увидеть места, где прошло ее детство. И я ей верила. Но теперь у меня есть подозрение — даже если не принимать во внимание пугающую неизвестность за пределами Ханаана, — что мама больше не верит, что может быть счастлива. Для нее счастье — это воспоминание, а не то, к чему надо стремиться.

Будь я одна, я бы уехала не задумываясь. Надо быть полной дурой, чтобы остаться здесь ради Эллиса, который когда-нибудь женится на Лайле и станет жить своей семьей.

Но мы втроем – одно целое: я, мама и Бизи. Я – голова и прилежные руки, Бизи – горячее сердце, и мама – душа, без которой нет нас. Возможно, когда-нибудь мы умрем прямо здесь, подметая гостиную, все вместе. Мы превратимся в скелеты с метлами в руках. Мы...

В тот же день, позже

Пишу, лежа в постели. Сейчас я готова отдать полжизни за кусочек льда, чтобы охладить лицо. Шкипер дрожит, беспокоится и пытается выгнать меня из комнаты. Наверное, опять будет буря. Когда я прилегла, нога в чулке чиркнула по покрывалу и высекла искру.

Мне пришлось бросить писать, потому что пришел Эллис и сказал, что поможет мне чистить курятник.

– Мне даже нравится там убираться, – сказал он. – У меня своя методика.

– У тебя раздуваются ноздри, когда ты врешь.

Я схватила лопату и принялась сгребать с пола куриный помет.

Сказать по правде, я ужасно справляюсь с любой работой, требующей терпения – я нетерпелива душой и телом. Я вечно ударяюсь локтями об углы, потому что мне жаль тратить секунды, чтобы притормаживать на поворотах.

– А ты, что ли, за мной наблюдаешь, малявка, и изучаешь мои привычки? – ухмыльнулся он. – С чего бы вдруг? У тебя есть намерения на мой счет? Надеюсь, они благородные?

– Не дури, – сказала я и налегла на лопату.

Мы долго работали молча, выгребали вонючие старые опилки, сыпали на пол свежие. А потом Эллис сказал совершенно некстати, словно в продолжение разговора, хотя никаких разговоров мы не начинали:

– Наверное, она где-то прячет и другие письма, если та девушка так много значила для нее. Она что-то скрывает.

Я рассказала ему об открытке, которую нашла в мамином комодке, и о том, как потом мама плакала в кладовке. Я говорю с ним почти обо всем, и еще не было случая, чтобы Эллис не попытался помочь мне с моими проблемами.

– Может быть.

Занятая другими делами, я почти и не думала о той открытке после нашего с ним разговора. Я разогнулась, опершись на лопату, чтобы секунду передохнуть, и вытерла лоб рукой.

– Тебе идет, – поддел меня Эллис, показав пальцем, что я случайно испачкала лоб куриным пометом. Он провел линию у моего лба, чуть не коснувшись кожи.

Я поморщилась и отвернулась, смутившись.

Он посмотрел на меня и нахмурился.

– Извини, – сказал он. – Я не заразный, честное слово.

Он улыбнулся, словно дразнясь, и я, сама того не желая,

улыбнулась в ответ. Это же Эллис. Он умеет воздействовать на людей.

Недавно он собрал на лугу перекасти-поле, засолил и заставил нас это съесть. Сказал, нам нужны минеральные вещества. Если кто-то способен заставить тебя съесть засоленное перекасти-поле, он заставит тебя сделать все что угодно.

Мы закончили чистить курятник, и я обернулась к нему, больше не в силах молчать:

– Меня не волнуют какие-то старые письма. Мне нужно как-то достать десять долларов.

Он озадаченно посмотрел на меня.

– Зачем тебе десять долларов?

– Надо.

– Это очень большие деньги, Кэти. Для нас вообще запрещенные.

– Я знаю...

Он сунул руки в карманы и сказал:

– Я подумаю, что можно сделать.

Вот так вот просто.

Мне многое не нравится в Эллисе, многое просто бесит. Мне не нравится, как он облизывает губы, когда на чем-то сосредоточен. Не нравится, что он не мечтает вместе со мной, как мы станем миллионерами или уедем из Ханаана. («Лучшего места не сыскать во всем мире», – говорит он.) Каждый, кто станет сравнивать нас двоих, скажет, что Эл-

лис сильнее. Но это не так. Вот что я повторяю себе вновь и вновь, когда мне отчаянно хочется, чтобы он был со мной, когда он особенно нежен, приветлив и неотразим.

Но все бесполезно. Я всегда знаю, где Эллис, даже если смотрю совершенно в другую сторону. Он притягивает мой взгляд, даже когда я сама этого не хочу. Я часто мечтаю, как мы с ним встречаемся – совершенно случайно – у коровьего пруда или на лугу в самом дальнем конце участка, и он смотрит на меня так, словно больше всего на свете ему хочется меня обнять. И мы с ним целуемся. И не только целуемся. Если бы был такой бог, которому не все равно, что происходит в людских сердцах, он бы вызвал нам дождь и заставил бы Эллиса Пэрриша в меня влюбиться.

Мне слышно, как Бизи кашляет во сне. Наверное, буря прошла стороной, потому что Шкипер уже не дрожит, а радостно гоняется за мухой. В лунном свете над умирающим деревом за окном как будто сияет серебряный нимб.

16 июня 1934 года

Сегодня все небо закрыли тучи саранчи. Я наблюдаю за ними в окно, и мне страшно. Но я хочу все записать, пока оно свежо в памяти.

Прошлой ночью я ходила в «Электрику».

Вчера на утренней воскресной службе мы не досчитались сразу трех семейств. Ни для кого не секрет, что они не вернутся. Не попрощавшись с соседями: то ли им было стыдно,

то ли горестно и тоскливо, то ли попросту не терпелось скорее пуститься в путь, — они просто исчезли, бросив дома и хозяйства. И так происходит все чаще и чаще.

Я легла спать пораньше, но никак не могла заснуть. В голову лезли тревожные мысли об этих людях, и сердце сжималось то ли от страха за них, то ли от зависти. Я все думала: «А вдруг у них ничего не получится на новом месте? А вдруг получится?»

Измученная духотой и бессонницей, я встала с постели и принялась одеваться.

Было почти одиннадцать вечера. Поначалу я не собиралась идти в этот парк развлечений, «Шурум-бурум». Выйдя из дома, я направилась к Эллису.

Я прошла через двор и встала перед дверью в амбар, сама поражаясь собственной смелости. Сердце бешено билось в груди, кровь стучала в висках от одной только мысли, что он так близко. Я стояла, переминаясь с ноги на ногу. Я думала так: если Эллис услышит и выйдет ко мне, я сделаю что-нибудь дерзкое. Совершенно немыслимое.

Прошло, наверное, пять минут. Моя решимость иссякла, волнение улеглось. Я уже поняла: он не выйдет. Мой взгляд упал на дорогу, ведущую в город. Луна светила так ярко, выбеливая дорогу, что та казалась полоской песчаного пляжа.

Вот так и вышло, что я отправилась в город.

Первое, что я увидела, подойдя к парку развлечений: высокие, освещенные электрическим светом часы в окружении палаток, предлагающих самые разные вкусы и забавы: от пороссячьих гонок и яблок в карамели до «Сбей жестянки». Играла шарманка, сверкали огни. Я прошла мимо афиши с изображением человека, который целился в небо из пушки. «Наш канонир-заклинатель дождя, – было написано на афише, – ВЫБЬЕТ воду с небес!»

Хотя время близилось к полуночи, в парке было полно народу. Я бродила в толпе, глядя, как люди едят, громко смеются или испытывают удачу на призовых аттракционах. Потом я заметила, что многие направляются в дальнюю часть парка – к потрепанному красному шатру.

Я потихоньку примкнула к большой шумной группе рядом с входом в шатер. Судя по маленькой скромной табличке, это было именно то, ради чего я пришла. «Электрика». Люди в толпе с нетерпением поглядывали на часы в центре парка.

Когда минутная стрелка приблизилась к двенадцати, все разом притихли. А потом – ровно с двенадцатым ударом часов – полог шатра распахнулся. Вышел мужчина: средних лет, благообразной наружности, сразу располагавшей к доверию, – и поднялся на небольшой деревянный помост перед входом. Самый обыкновенный. Некрасивый, неброский. Без шляпы-цилиндра и ослепительной белозубой улыбки. Лысый, в изрядно поношенном костюме, сутулый, с усталым,

будто помятым лицом, как у многих мужчин среди зрителей. Он откашлялся, прочищая горло, и обвел взглядом толпу у шатра. Взгляд у него был тяжелым, серьезным, но вполне добродушным.

– Настало время потрясений, время неопределенности, – заговорил он. – Мир меняется на глазах. Почва выбита из-под ног. Смерть поджидает за каждым углом. Страх и отчаяние поселяются в каждом доме. – По толпе пробежал шепот одобрения. Все были согласны со сказанным. Я обняла себя за плечи, чтобы хоть немного согреться. – Но есть реальная возможность этого избежать, – продолжал человек на помосте. Он поднял вверх указательный палец. – Опередить время, обмануть саму смерть.

Он вытащил из-за помоста какой-то круглый предмет, завернутый в бархатное покрывало. Вдохнул, словно вдруг обессилев.

– Я держу в руках вещь, крайне редкую в наши бездушные, рациональные времена. *Это волшебная вещь.* В ней сочетается лучшее от обоих миров... старого мира и нового. Ее разработали ученые из Нью-Йорка. В ней древние силы Земли соединены с человеческим гением. Давайте посмотрим.

Он развернул покрывало так осторожно, словно боялся обжечься, и явил зрителям стеклянный шар, который пульсировал светом. Толпа тихо ахнула. У меня перехватило дыхание. Казалось, что там, за стеклом, заключена молния. Как

будто кто-то ее поймал и запер в круглом аквариуме.

– *Электричество*. Животворящая субстанция, что лежит в сердце Вселенной. Благодаря электричеству бьются наши сердца. Ибо мы – *электрические* создания. Любой, даже самый рациональный ученый вам подтвердит. – Он на секунду задумался, облизнул губы. Его плечи сгорбились, словно под тяжестью мира. – Вы спросите, почему я собрал вас в столь поздний час? Почему в полночь? Потому что полночь – непроницаемый миг во времени. Да. – Он кивнул, будто в ответ своим мыслям. – Время имеет значение. Время имеет значение. В природном календаре полночь – вздох между ночью и днем. Лишь в этот час ни лучи солнца, ни притяжение луны не помешают естественному течению электрических токов.

Он обвел взглядом толпу, вытер пот со лба рукавом и поставил светящийся шар на специальную подставку рядом с платформой.

– Прикоснитесь к ней – самой мощной субстанции на Земле, но заключенной в стекло, чтобы она вас не убила – на пять секунд, и она излечит все ваши болезни. Если у вас ноет спина или колено «стреляет» в дождь... вы мгновенно почувствуете облегчение. Если вы прикоснетесь к шару на десять секунд, это омолодит ваш организм. На минуту – и вполне возможно, вы проживете гораздо дольше, чем отпущено человеку. Леди и джентльмены, я уверен, что это устройство способно продлить жизнь настолько, что она будет вечной.

Он сделал паузу и снова обвел взглядом зрителей.

Выглядел он измученным и усталым.

— Такая возможность бывает раз в жизни, и я посвятил свою жизнь тому, чтобы рассказать о ней как можно большему числу людей. Я езжу по миру, чтобы озарить каждый его уголок светом надежды. Сбросить тиранию смерти возможно. Здесь и сейчас я говорю это *вам*. Мы пробудем здесь еще месяц, и я предлагаю вам шанс на бессмертие. Взамен я прошу небольшое пожертвование: окупить транспортные расходы для меня и моих ассистентов, чтобы мы могли посетить еще больше городов и просветить еще больше людей. Вопрос в том, готовы ли вы заплатить десять долларов за то, что вообще не имеет цены?

Люди уже выстраивались в очередь перед входом в шатер. Мне показалось, профессор собирался продолжить речь, но, взглянув на немалую очередь, оборвал себя на полуслове, спустился с помоста и скрылся в шатре.

По толпе пробежал гул голосов. Те, кто еще не встал в очередь, потихонечку расходились. Кто-то остался просто из любопытства: посмотреть, что будет дальше. Мужчина, стоявший рядом со мной, пробормотал, что это бред, и пошел прочь.

Но мне буквально до дрожи хотелось туда, в шатер.

Допишу позже. К нам кто-то пришел.

В тот же день, позже

Я вышла на улицу, к черепашьему пруду. Бизи тоже пришла: сидит рядом со мной и играет в пыли. Она так жутко кашляет, что мне приходится то и дело откладывать ручку и бить ее по спине, чтобы помочь ей прокашляться. Как же я ненавижу эти сгустки пыли, которые Бизи выкашливает из легких! Я и не знала, что во мне может быть *столько* ненависти. (Бизи вечно в пыли с головы до ног. Пыль в волосах, на руках и ногах. Эту пыль не сотрешь и не смоешь, от нее никуда не деться, она – повсюду.)

Доктор из Красного Креста говорит: да, это все из-за пыли. И советует плотнее завешивать окна.

К нам заходила Лайла. Вот уж сюрприз так сюрприз.

Раньше она никогда не приходила на ферму.

– Хотела проверить, как у вас дела, – сказала она с улыбкой, когда я вышла встретить ее во дворе. – Убедиться, что у вас все хорошо.

– У нас все хорошо, спасибо.

Мне было приятно, что она за нас переживает, но потом я заметила, что она смотрит не на меня, а куда-то поверх моего плеча. Я все поняла и почувствовала себя дурочкой.

– Хочешь поговорить с Эллисом? – спросила я.

У нее загорелись глаза. Я подумала: «Как у нее получается не потеть на такой-то жаре?»

– Сейчас я его позову.

Да, я видела Лайлу насквозь, и все равно испытывала к ней симпатию. Но когда я обернулась, оказалось, что Эллис

уже нас увидел и сам идет к нам, вытряхивая из волос пыль и солому.

Мы стояли втроем и болтали о пустяках и о серьезных вещах, о которых мне страшно писать. Эллис ни разу не посмотрел на меня, хотя я пыталась поймать его взгляд. При первой удобной возможности я оставила их вдвоем, якобы вспомнив, что у меня есть дела.

И вот я сижу у пруда вместе с Галапагосой и Бизи, которая возит по пыли свою единственную куклу, страшненькую и безглазую.

– Лайла пытается его у тебя украсть, – только что выдала мне она.

– Бизи, малышка, он не моя собственность. Нельзя украсть то, что тебе не принадлежит.

Перед тем как продолжить писать, я долго сидела, глядя на высохшие луга, и пыталась себя убедить, что я люблю эту землю сильнее, чем Эллиса.

В любом случае мне было о чем подумать.

Лайла принесла тревожные новости.

Она сказала, что буквально на днях видела, как двое мужчин на улице пожали друг другу руки, и их так сильно ударило статическим электричеством, что практически сбило с ног.

Еще Лайла сказала... Я пишу, и меня пробирает дрожь. Мужчину, который ходил в нашу церковь, два дня назад обнаружили мертвым под толщей пыли. Буря застала его по

дороге в Уичито, он бросил машину и попытался спастись, убежать в безопасное место. Его погребло заживо.

24 июня 1934 года

На этой неделе не проходило и дня, чтобы не было пыльной бури. Вот и сейчас мы сидим в гостиной, надев маски, выданные Красным Крестом, и молимся, чтобы ветер стих. Шкипер не пожелал войти внутрь. Он носится у пруда, пытается загнать Галапагосу в ее маленький домик. Каждый раз мама твердит, что надо забрать черепаху в дом, но Галапагосе с ее толстым панцирем – теперь покрытым плотной коркой пыли – не страшна никакая буря.

Сегодня утром, когда унялся пыльный вихрь, мама послала меня к Чилтонам – справиться, все ли у них хорошо. Местами пыли нанесло по колено, и когда я шла через луг, разделяющий наши участки, у меня было ощущение, будто я бреду по глубокому снегу.

Я сразу поняла: что-то не так. Может быть, из-за странной тишины. Или из-за того, что в такой сумрачный день ни в одном из окон не горел свет. Или, может быть, я *почувствовала* их отсутствие.

Я поднялась на крыльцо. Каждый мой шаг отдавался жутковатым эхом. Я постучала. Не дождавшись ответа, открыла дверь и позвала хозяев, заглянув в дом. Снова никто не ответил. Я вошла в прихожую. На полу были разбросаны какие-то вещи. Вроде бы ничего не пропало на первый взгляд.

Как будто Чилтоны спешно покинули дом, сшибая все на своем пути. Бросили все и без оглядки сбежали отсюда.

Я их знала с рождения. Сколько я себя помню, мы всегда были соседями.

На обратном пути мне прямо под ноги выскочил заяц, и я чуть не вскрикнула от испуга. Мое сердце бешено колотилось. Мне не хотелось идти домой, говорить с мамой, видеть ее печальные глаза, и я свернула к амбару, где жил Эллис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.